

Глава 27. Перемудрил с утешением

Несмотря на всю опасность пережитого, кошмары Юй Юньляна этой ночью не мучили.

Ему вообще ничего не снилось. Остались лишь смутные воспоминания о тепле меховой шубы да о том, как он несколько раз просыпался в страхе, ожидая нового нападения.

Но за окном лишь шумел ветер, заставляя сухую траву шелестеть.

Всякий раз, когда он вздрагивал во сне, чья-то рука осторожно касалась его затылка, успокаивающе поглаживала по спине. Прохладные подушечки пальцев ложились на запястье, неспешно и мягко растирая точки Шэньмэнь и Нэйгуань.

Юй Юньлян знал, кому принадлежит эта рука.

Подобная близость невольно всколыхнула в памяти почти стертые образы, заставляя вспомнить былое.

Юноша наконец начал осознавать... Как именно в прошлый раз, когда его терзали дурные сны, край рукава Ци Цзю превратился в невнятное, измятое нечто.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как юный евнух густо покраснел. Он молниеносно отдернул руку, выпуская ткань, которую невесть когда снова успел судорожно сжать.

Хозяин рукава издал крайне раздражающий смешок.

Юй Юньлян замер.

— Не сдержался, — Ци Цзю миролюбиво извинился. — Не обращай на меня внимания, продолжай.

Юй Юньлян до боли стиснул челюсти. Стряхнув остатки сонной одури, он решительно оттолкнул рукав, который этот человек умудрился снова вложить ему в ладонь.

— Вам... — стоило ему заговорить, как горло пронзила острая боль. Голос звучал надтреснуто и хрипло. — Не стоит...

— Не стоит тратить силы, ведь ты всё равно не оценишь моей доброты, — Ци Цзю процитировал его же слова, не дав закончить. — Помолчи лучше, побереги горло.

Юй Юньлян едва не прикусил язык. Он окончательно понял: злиться на этого человека —

значит лишь причинять вред самому себе. Ему пришлось, скрежеща зубами, сделать глубокий вдох и медленно выпустить воздух.

Тот проклятый убийца действовал на редкость жестоко. Горло действительно пылало огнем, и даже каждое дыхание отзывалось саднящей болью.

Юй Юньлян, чье мастерство уступало опытному карателю, остался без сил. Ему оставалось лишь терпеть, пока этот человек творит, что вздумается.

— Неужели вам... совсем не страшно?

— М-м? — Ци Цзю, продолжавший настойчиво заправлять рукав ему в пальцы, отвлекся. — Чего бояться?

Юй Юньлян опустил взгляд и замолчал.

Он хотел спросить: неужели тот не боится новых убийц? Не боится расстаться с жизнью?

Но слова застряли в горле. Он вспомнил, что этот человек, кажется, и сам не слишком дорожил своим существованием. При первой же встрече под мостом Удин он первым делом одолжил у юноши кинжал.

Этот самый кинжал до сих пор жестко упирался Юй Юньляну в ребра. Когда-то он мечтал этим клинком подрезать принцу сухожилия, срезать мясо с костей слой за слоем, лично вырвать его сердце и легкие.

Но в последние дни подобные мысли его больше не посещали.

«Впрочем, это не моя вина, — оправдывался он про себя. — Этот болезненный принц вечно влипает в неприятности: то яд, то наемные убийцы. Я только и делаю, что кручусь вокруг него».

Такой изнеженный и капризный, что даже прислуживать ему — мука. Неудивительно, что он не удержался на месте наследника, и этот пес-император его сверг.

А теперь еще и подослал убийц прямо в поместье, желая во что бы то ни стало заставить его замолчать навеки.

Юй Юньлян вдруг крепко вцепился в рукав Ци Цзю.

— Вы хотите убить императора? — хрипло спросил он.

Разговор принял неожиданно резкий оборот.

Ци Цзю, который уже начал погружаться в дрему, от такого вопроса мгновенно протрезвел.

«Как мы вообще до этого докатились?» — спросил он у Системы.

«Не имею понятия, — Система была не менее потрясена. — Может... он недоволен тем, что император посмел послать к тебе наемников?»

Логика Юй Юньляна вполне могла быть именно такой: он не терпел, когда в его дела вмешивались чужие руки. Если он еще не решил окончательно убить Ци Цзю, а император уже пытается его опередить — это прямое оскорбление для юноши.

В прошлой жизни Юй Юньлян без колебаний расправился бы и с государем, и с принцем Шэнь Гэ. В его душе не было ни капли священного трепета перед имперской властью.

И в этой жизни, похоже, мало что изменилось. На данный момент юный инспектор, судя по всему, убивать опального принца не планировал.

Зато к императору, дерзнувшему подослать убийц, он явно начал примериваться.

Ци Цзю сосредоточился. Он слегка склонил голову, встречаясь взглядом с Юй Юньляном.

Зрачки юноши были бездонно-черными. В холодном лунном свете в них плясала коварная, зростная жажда крови, точно клинок, готовый вот-вот покинуть ножны.

Ци Цзю протянул руку и притянул эту «холодную и жесткую сталь» поближе к себе, накидывая меха на озябшую спину юноши.

— Тебе холодно? — спросил он.

Юй Юньлян не позволил увести разговор в сторону. Он продолжал сверлить Ци Цзю мрачным взглядом:

— Я жду ответа.

Если тот кивнет, юноша готов был отправиться во дворец хоть сейчас.

В прошлой жизни он уже подсыпал яд императору и прекрасно знал, как это провернуть. Нужно лишь заменить медленно действующую отраву на мгновенную смерть — и одного раза будет достаточно.

Принц, словно прочитав его мысли, ласково погладил его по плечу и неспешно произнес:

— Прежде чем государь притронется к еде, евнух должен ее попробовать.

— Вы боитесь, что яд сначала убьет слугу, и император ничего не съест? — прохрипел Юй Юньлян. — Я могу занять место этого евнуха.

Он мог принять противоядие. Или не принимать его вовсе. В любом случае, убийство императора не могло закончиться миром, за это пришлось бы заплатить жизнью. И юноша был не прочь забрать старого пса с собой в могилу.

Не успел он закончить эту мысль, как рука, обнимавшая его, скользнула выше, к затылку, и с непривычной силой взъерошила волосы.

— Как же ты додумался до такого...

Ци Цзю опустил взгляд и, помолчав, тихо спросил:

— Тебе настолько невыносимо?

Юй Юньлян нахмурился. Он не понимал, о чем говорит этот человек.

— Что именно невыносимо?

Он лишь искал решение проблемы. Убийцы не остановятся после одной неудачи. Пес-император не успокоится, он не ограничит себя одной попыткой.

Рано или поздно те, кто придет за Ци Цзю, поймут: нынешняя мощь опального принца — лишь пустая видимость, пугающая оболочка без внутреннего наполнения.

В этой ситуации мирного исхода быть не могло. И раз уж кому-то суждено погибнуть, почему это должен быть Ци Цзю, а не тот дряхлый государь?

— О завтрашнем дне подумаем завтра, — отрезал Ци Цзю. — А сегодня поговорим о тебе.

Это было лишь первое нападение. Угроза, исходящая из глубин дворца, только начала проявлять себя, и ситуация еще далека от той точки, когда нужно идти на безумный риск. И уж точно не время Юй Юньляну жертвовать собой, пытаясь забрать жизнь императора, чтобы в итоге сгинуть от яда или казни за цареубийство...

Будущий глава Директората церемоний уже прожил одну жизнь. Он убивал императоров,

убивал принцев, он достиг вершин власти в этом змеином гнезде. У него должно быть достаточно проницательности.

Единственным объяснением его нынешней безрассудности было лишь то, что Юй Юньлян сейчас испытывал душевные муки, которые не мог осознать.

Сам юноша не понимал, что страдает. Он лишь инстинктивно стремился поставить свою жизнь на кон, чтобы разом со всем покончить.

Стоит умереть — и не нужно будет ни о чем думать. Стать сломанным клинком, брошенным на дно реки Хуньхэ... это был бы конец. Избавление.

«Не получилось, — подвел итог Ци Цзю в разговоре с Системой. — Перемудрил я с утешением».

«И что теперь делать? — Система занервничала. — Попробуй другой подход. Нужно его как-то переубедить».

Главный герой, разумеется, не должен был погибнуть, а уж тем более — искать смерти. Если Юй Юньлян заикнется на этой идее самопожертвования, все их планы и бонусы полетят в тартарары.

Ци Цзю решил сменить тактику. Он склонился к юноше и совершенно искренне спросил:

— А что, если я не хочу твоей смерти?

Юй Юньлян замер, словно пораженный этими словами. На мгновение в его глубоких, мрачных глазах холод стал почти осязаемым, превращаясь в ледяные лезвия.

— Что... что это значит?

Голос юноши был едва слышным, он с трудом выговаривал слова:

— О чем вы?

— Я не хочу, чтобы ты в это ввязывался, — терпеливо пояснил Ци Цзю. — Не стоит губить свою жизнь ради какого-то императора. Для меня это — крайне невыгодная сделка. Я останусь в огромном убытке.

Юй Юньлян беззвучно покачал головой. С каждым таким движением его лицо становилось всё бледнее. Он с трудом приподнялся на локтях, пытаясь отстраниться.

— Не веришь? — спросил Ци Цзю.

Юй Юньлян криво усмехнулся. Он снова покачал головой, чувствуя, что жестами не может выразить всё, что на душе.

— Верю...

За сегодняшнюю ночь он наговорился вдоволь. Горло невыносимо болело, синяки опухли и горели огнем на шее.

— Я знаю...

Он знал, что этот человек — не тот Шэнь Гэ из прошлой жизни. Как бы он ни пытался игнорировать этот факт все эти дни, как бы ни гнал от себя мысли...

Тот Шэнь Гэ никогда бы не пришел за ним в водяную тюрьму. Не стал бы учить его управлять лошадьми. Не сидел бы полночи на козлах, лишь бы дать юноше вцепиться в свой рукав.

Шэнь Гэ не пил сладких отваров, а уж тем более — не оставил бы ему половину, научив разбавлять чаем.

Тот Шэнь Гэ не смог бы прогнать убийцу. Да и будь у него такое мастерство — превращать ивовые листья в клинки и убивать врагов со смехом на устах — он бы разделался с императором еще до того, как потерял титул.

Юй Юньлян наконец позволил себе признать очевидное.

Изначально он решил остаться подле опального принца, чтобы найти удобный момент и вскрыть его нутро — посмотреть, может ли сердце человека, пропитанное ядом до костей, оставаться чистым.

Позже это желание поутихло, но оставалось оправданием — поводом, чтобы не уходить из этого обветшалого поместья, пожирающего серебро.

Теперь же... этот повод окончательно потерял смысл.

Юноша привел мысли в порядок, и в его душе воцарилось странное спокойствие. Он медленно опустил взгляд.

— Как ваше настоящее имя? — спросил Юй Юньлян. — Мне не нравится имя Шэнь Гэ.

Ци Цзю посмотрел на него без тени удивления. Лишь на мгновение задумался.

— Ци Цзю.

Юй Юньлян повторил это имя про себя, пробуя его на вкус. Он с трудом заставил уголки губ приподняться в слабом подобии улыбки. Юноша поднял голову, глядя в глаза Ци Цзю. На его бледном лице выделялись лишь черные глаза, в которых отражался силуэт принца.

— Если бы мы встретились раньше... — медленно, чеканя каждое слово, произнес он. — Всё могло быть иначе.

Тогда, когда у него еще было сердце. Когда он еще был живым человеком. Теперь же ему нечего было дать взамен. Он не мог ответить на доброту Ци Цзю, не мог отплатить за его милость — и нескольких жизней не хватило бы для этого долга.

Он действительно ввязался в крайне хлопотное и опасное дело.

Юй Юньлян перевел взгляд на свое запястье, где невесть когда снова оказался браслет, сплетенный из ивовых прутьев. Тот самый, который он сам когда-то сорвал с дерева и сунул в рукав, надеясь хоть немного порадовать этого болезненного человека... Теперь ива снова была аккуратно сплетена в кольцо и надета на его руку.

Юй Юньлян снял плетение и вернул его Ци Цзю.

— Вы его испортите.

Он был лишь инструментом для убийств, евнухом, знавшим только муки и боль. Такая хрупкая вещь в его руках рано или поздно превратится в прах.

Ци Цзю принял ивовое кольцо, не выпуская плеча юноши.

— Неужели я стал для тебя обузой? — полушутя спросил он, погладив юного инспектора по голове. — Надоело возиться с калекой и хочешь сбежать?

Юй Юньлян, чье лицо оставалось мертвенно-бледным, тоже слабо улыбнулся.

Этот человек вовсе не был жалким калекой. Он был хорошим человеком — за две свои жизни Юй Юньлян не встречал никого подобного. Это сам юноша был «калекой» в душе, он не мог вынести тяжести этой благодарности и не смел принимать ее дальше.

«Почему бы не позволить мне просто прикончить того пса-императора? — думал он. —

Заставить его подписать указ о престолонаследии или просто подделать его, чтобы Ци Цзю стал императором».

Теперь Юй Юньлян действительно желал этого всей душой. Это был единственный выход, который он видел. Став императором, Ци Цзю окажется в безопасности. Никто не посмеет поднять на него руку, никто не пришлет убийц. Можно будет созвать лекарей со всего света, использовать любые, даже самые редкие лекарства. Глядишь, и яд получится вывести.

— Если хочешь уйти — уходи, — Ци Цзю легонько похлопал его по спине. — Это не страшно.

Юй Юньлян опустил голову и помолчал.

— Даже если я окажусь неблагодарным предателем?

— Даже тогда, — великодушно согласился принц. — Если заложить это поместье и распродать остатки имущества, наберется немного денег. Да и в сокровищнице кое-что осталось.

Ци Цзю продолжил:

— С этим ядом мне всё равно долго не протянуть, так к чему тратить силы на лечение? Лучше взять золото и отправиться в путешествие... Купить лодку и плыть на юг по Янцзы.

Ци Цзю закинул руки за голову, явно увлеченный этой мыслью:

— Музыка, танцы, вечное веселье...

— А если придут убийцы? — спросил Юй Юньлян.

Он тут думал о государственном перевороте, о троне и власти для него. А этот человек о чем мечтает? О том, как любоваться цветами в Янчжоу?

— Значит, такова воля небес, — легкомысленно бросил Ци Цзю. — Раз уж некому будет меня спасать и защищать от клинков, пускай пронзают меня насквозь.

Юй Юньлян лишился дара речи.

— Мой яд не терпит вида крови, — продолжал рассуждать Ци Цзю. — Если меня ранят, он разыграется не на шутку. От боли я начну биться головой о мачту, хвататься за ножи или просто прыгну в реку кормить рыб.

Юй Юньлян замер.

— И тогда, маленький евнух, я уповаю на ваше благородство, — Ци Цзю церемонно сложил руки в поклоне. — Выловите меня и добейте, чтобы я не мучился.

Он продумал всё до мелочей:

— А если я упаду слишком далеко от берега и достать меня будет трудно — ну что ж, так тому и быть. Ты ведь умеешь стрелять из лука? Это несложно. Если не умеешь — я научу. Когда придет время, тебе нужно будет просто прицелиться и пустить стрелу мне прямо в сердце...

Договорить он не успел — Юй Юньлян судорожно зажал ему рот ладонью.

Грудь юноши тяжело вздымалась, в глазах застыла мрачная тень. Он всё еще был во власти своих мрачных планов, но слушать речи принца больше не мог.

— Побойтесь Бога, — хрипло выдохнул Юй Юньлян, не давая Ци Цзю произнести больше ни слова. — Вам нельзя... нельзя кормить рыб.

Он не мог заставить себя произнести слово «смерть». Лишь смотрел на принца своими холодными, черными глазами.

— Вы должны жить долго.

Ци Цзю, чей рот был зажат, лишь вздохнул и рассеянно кивнул. Его покорность была столь небрежной и показной, что со стороны он казался человеком, который из-за болезни окончательно пал духом и не желает бороться за жизнь. Юй Юньлян понимал, что это лишь очередная игра, но смотреть на это было невыносимо.

Юноша опустил взгляд и с силой стиснул зубы.

— Я... в распоряжении Вашего Высочества.

— Если у вас будут поручения — распоряжайтесь мной как угодно, — Юй Юньлян соскользнул с тахты и опустился на колени, снова протягивая Ци Цзю жетон своей службы.

Принц долго смотрел на него. Он попытался сесть, но юноша удержал его на месте. Не спрашивая согласия, он вложил жетон и ивовое кольцо Ци Цзю в рукав.

— Я буду караулить, — произнес Юй Юньлян. — Ночь долгая, могут явиться другие.

Ци Цзю, придавленный к постели, встретился взглядом с юношей и указал пальцем на его шею.

В холодных черных глазах промелькнуло подобие улыбки. Юй Юньлян умел улыбаться, но в этой улыбке не было тепла. Это была лишь привычная маска, которую он научился носить мастерски.

Юноша заботливо поправил меха на принце, не оставляя ни щелочки для сквозняка. Он коснулся своего горла. Своих ран он не видел, но чувствовал, что они выглядят пугающе: кожа на месте синяков горела и опухла. В такой ситуации ответить «всё уже прошло» было бы слишком явной ложью. К тому же, он только что отдал Ци Цзю свой жетон и поклялся служить ему... Негоже было начинать службу с обмана.

Поэтому Юй Юньлян ответил иначе:

— Не болит. Я не чувствую боли.

В последующие дни убийцы больше не появлялись. Приступ Холодного яда у Ци Цзю прошел, болезнь на время затаилась, и он чувствовал себя на редкость сносно. Принц грелся на солнышке в галерее, прижимая к себе теплую грелку.

Юй Юньлян тем временем приводил дом в порядок: расчищал завалы кирпича, поправлял полуразрушенные камни в саду и выпалывал сорняки в заросшем дворе. Юноша превратил спальню в центр своей деятельности и трудился не покладая рук. И его старания приносили плоды.

После того как будущий «Владыка инспекторов» осознал, что сокровища Цзян Шуня теперь в его распоряжении, он начал по ночам наведываться в тайники опальных чиновников и вельмож, чьи дома он обыскивал в прошлой жизни. Обветшалое поместье на глазах преобразалось. Юй Юньлян приносил в дом лучшие вещи: то, что нужно было Ци Цзю — отдавал ему, остальное шло на украшение дома.

Всего за несколько дней старая развалюха начала обретать былое величие. На плечах Ци Цзю теперь лежала дорогая, теплая накидка, в руках он держал грелку, обшитую кроличьим пухом, рядом всегда стояла чаша с горячим сладким отваром, а под рукой лежала охалка ивовых прутьев для забавы.

Система, пропадавшая на курсах повышения квалификации, вернулась и, заглянув в свои записи, выразила обеспокоенность:

«Тебе не кажется...»

Ци Цзю и сам беспокоился:

«Тебе не кажется, что ива во дворе скоро совсем облысеет?»

«...Это точно, — Система, присмотревшись, даже вздрогнула. — Ты не мог бы попросить его не обдирать одно и то же дерево?»

Но Ци Цзю был бессилён — ива в саду была всего одна.

«А в Бюро не продают удобрения для ускоренного роста?»

«Продают, я прикуплю при случае, — отметила Система. — Но я о другом: тебе не кажется, что Юй Юньлян ведёт себя странно?»

Юноша больше не пытался убить Ци Цзю, он отдал ему свой жетон и поклялся в верности. Казалось бы — идеальное начало. Именно так обычно и начинались миссии с использованием «Золотых пальцев»: Ци Цзю должен был начать учить его грамоте, верховой езде и стрельбе, наставлять на истинный путь. Но Система чувствовала подвох: уровень «черноты» в душе героя падал, но и эмоций в нём становилось всё меньше.

Юй Юньлян перестал ненавидеть. Вырвав из сердца великую злобу, он превратился в подобие бесстрастного клинка... По сути, он им и стал. Он безупречно заботился о Ци Цзю, выполнял любое его поручение и каждую ночь крал золото и ценности у Цзян Шуня, чтобы обеспечить принца всем необходимым. Он больше не злился на шутки, не краснел и не пытался спорить. Когда он покупал Ци Цзю сладкий отвар, он больше не брал порцию для себя.

— Так ему легче не чувствовать боли, — пояснил Ци Цзю.

Система опешила:

«От чего он... страдает?»

Ци Цзю взял ивовый прутик и принялся рассеянно вертеть его в руках. Он откинулся на спинку кресла, глядя на Юй Юньляна, сосредоточенно вырывающего сорняки.

— Это не моя специальность, но если бы мне пришлось гадать... Наверное, Юй Юньлян слишком остро чувствует собственную пустоту. В прошлой жизни его учили быть пустым — без чувств, без желаний, без радости и гнева. Он послушно вытравил всё это из себя. А в этой жизни, когда он осознал содеянное и захотел вернуться к началу, он обнаружил, что всё то, что он из себя выплеснул, потеряно безвозвратно. Ему больно оттого, что он пуст. Ему нечем ответить на чувства.

Юй Юньляну было бы проще вообще ни о чем не думать — просто следовать за Ци Цзю, выполнять свой долг... И, возможно, однажды пасть от руки убийцы или, потеряв терпение, отправиться во дворец и разменять свою жизнь на жизнь императора.

«Разве это правильно? — затревожилась Система. — Если так пойдет и дальше, до добра это не доведет».

Ци Цзю и не собирался оставлять всё как есть:

«Ему нужно пройти через это».

Чтобы превратиться из ледяного клинка обратно в человека, нужно пережить этот кризис. Юй Юньляну больно именно потому, что он уже хочет снова стать человеком. Рано или поздно он поймет: всё то, что он считал утраченным, на самом деле никуда не делось. Чувства, любовь и ненависть — всё это по-прежнему в нем. Просто он забыл, как ими пользоваться. А то, что забыто, можно выучить заново.

Торопиться было нельзя. Ци Цзю не хотел давить на юношу. Он поднялся, поправляя одежду, и поманил его рукой. Юй Юньлян, заметив жест, тут же бросил сорняки и в мгновение ока оказался рядом. Он вытер руки платком и поддержал Ци Цзю.

— Что прикажете? — тихо спросил он.

— Сегодня безветренно, чудесный день, — заметил принц. — Не хочешь поучиться стрельбе из лука?

Юй Юньлян замер. Он не ответил сразу. Он действительно не умел стрелять. Шесть искусств благородного мужа — это было не для таких, как он. Юноша отвел взгляд, и на его губах появилась слабая, безжизненная улыбка.

— Чтобы в будущем... пустить стрелу вам прямо в сердце?

Ци Цзю рассмеялся. Он оперся на плечо юноши:

— Смотрю, ты быстро учишься.

Оказывается, он уже запомнил его болтовню и даже начал попрекать прошлым. Ци Цзю остался доволен «педагогическим эффектом». Он похлопал Юй Юньляна по плечу:

— Я пошутил. Я и сам хочу дожить до ста лет.

При этих словах плечи юноши заметно расслабились. Он глубоко вздохнул и крепче поддержал принца.

— Ты прав, убийцы еще придут, — продолжал Ци Цзю. — Тебе нужно освоить лук... Мне теперь

тетиву не натянуть.

Только Юй Юньляну стало легче на душе, как Ци Цзю снова задел его за живое. Юноша промолчал, лишь сжал зубы. Он повел принца на задний двор поместья, где когда-то была небольшая площадка для тренировок. Ци Цзю покопался в старой оружейной и нашел старый лук. Смахнув пыль, он передал его юноше.

Юй Юньлян принял оружие и внимательно выслушал наставления, запоминая каждое слово.

— Попробуешь? — Ци Цзю указал на мишень в конце площадки. — Не страшно, если не попадешь.

Юй Юньлян сделал всё, как его учили: вложил стрелу, натянул тетиву. Его взгляд сосредоточился на цели, но сердце в груди колотилось так, что удары отдавались в ушах.

Он не боялся промахнуться. Он боялся попасть. Этому человеку стоило бы... зажать рот. Зачем он наговорил той ночью столько глупостей? Про рыб, про стрелу в сердце...

Юй Юньлян мысленно отругал себя, несколько раз моргнул и снова прицелился. Он не знал охотничьей науки, но умел убивать. Пронзить мишень стрелой — что в этом сложного?

«Может, мне и впрямь стоит отправиться во дворец и прикончить императора? — думал он. — Остаться здесь, подле Ци Цзю, наслаждаться этой жизнью, которой я не заслужил... Неужели это может длиться вечно?»

В груди юноши нарастало смутное беспокойство. Он несколько раз целился, но так и не решился выпустить стрелу.

— Не получается... — прошептал он.

Он уже хотел отложить лук и посоветовать Ци Цзю нанять настоящую стражу. Золото — не проблема, сокровищ Цзян Шуня и тех двадцати семи домов, что он обыскал в прошлой жизни, хватит на сотню лет безбедного существования. Юй Юньлян уже решил для себя: он обеспечит Ци Цзю всем необходимым, а затем уйдет во дворец. Он расчистит ему путь к трону или хотя бы добьется указа, который обеспечит принцу покой. И тогда Ци Цзю сможет найти себе достойного... благородного мужа, сведущего в науках и искусствах. А не прислуживать себе искалеченного евнуха.

— Не тратьте на меня время, я не гожусь для этого, — глухо произнес он. — Вам...

В этот момент на его плечи легла тяжелая шуба, укрывая его вместе с Ци Цзю. Юй Юньлян невольно вздрогнул. Он хотел обернуться, но почувствовал, как сзади его обхватили чужие руки. Принц прижал его к себе и, стоя за спиной, начал направлять его движения.

День был ясным, солнце светило ярко, и Юй Юньляну на мгновение показалось, что он ослеп.

— Сначала попробуй, — негромко произнес Ци Цзю прямо ему на ухо. — Получится или нет?

Юй Юньлян пребывал в каком-то забытьи. Он подумал, что глаза этого человека сияют точно так же, как солнце. Оказывается, бывают люди, чьи глаза светятся теплом.

— Это просто, — ласково прошептал принц. — Тяни.

Юй Юньлян инстинктивно приложил усилие. Когда тетива начала резать кожу, рука Ци Цзю накрыла его ладонь. Пальцы принца были прохладными и слабыми, но в их движении чувствовалась непоколебимая уверенность. Он учил его держать стрелу.

Юй Юньлян наконец ясно увидел мишень.

— Зачем тебе этот дворец? — прошептал Ци Цзю ему на ухо. — Разве не лучше отправиться в Янчжоу, когда зацветут персики? Мне кажется, это было бы чудесно.

Юй Юньлян сглотнул. Он не понимал, как этому человеку всегда удается угадать его тайные помыслы.

— Я хочу... чтобы вы жили...

— Я знаю, — рука Ци Цзю сжала его пальцы. — Слушайся меня.

Сердце принца билось неровно. Почти всем весом он опирался на юношу, время от времени его грудь содрогалась от легкого кашля, и это движение передавалось спине Юй Юньляна.

— Вы устали? — тихо спросил он.

— Немного, — признался Ци Цзю. — Будь умницей.

Юй Юньлян отбросил все лишние мысли. Повинуясь движению руки принца, он натянул тетиву до предела и отпустил ее. Раздался звонкий щелчок, и стрела, стремительно рассекая воздух, вонзилась точно в центр мишени.